

Константинова Н. В. «Фрегат Паллада» И. А. Гончарова в контексте жанра травелога: нарративные стратегии чиновника-путешественника / Н. В. Константинова // Научный диалог. — 2018. — № 3. — С. 102—114. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-3-102-114.

Konstantinova, N. V. (2018). “Frigate Pallada” by I. A. Goncharov in Context of Travelogue Genre: Narrative Strategies of Official Traveller. *Nauchnyy dialog*, 3: 102-114. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-3-102-114. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.161.1Гончаров+82-992+82-311.8“18”

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-3-102-114

«Фрегат Паллада» И. А. Гончарова в контексте жанра травелога: нарративные стратегии чиновника-путешественника

© **Константинова Наталья Владимировна (2018)**, orcid.org/0000-0002-7329-9977, ResearcherID D-2068-2014, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия), scribe2@yandex.ru.

Статья посвящена анализу феномена «путевой прозы» И. А. Гончарова в контексте традиции русского травелога XIX века. Традиционно в процессе анализа текстового материала (путевых записок) выделяются принципы и формы соединения двух основных нарративных стратегий: автора-документалиста, этнографа, историка и автора-писателя, литератора, художника. Предметом данного исследования стали индивидуальные нарративные стратегии чиновника-путешественника. «Фрегат Паллада» И. А. Гончарова определяется как «знаковый» и в эволюции жанра травелога. Выявляются и сопоставляются различающиеся нарративные стратегии автора-путешественника, воспринимающего мир с точки зрения двух сознаний — «скромного чиновника» и «нового аргонавта». Феномен повествования в путевых очерках И. А. Гончарова охарактеризован, с одной стороны, как синкретичный, сочетающий элементы ученого и литературного путешествия, с другой стороны, как индивидуально-авторский, демонстрирующий разрушение всевозможных шаблонов и стереотипов жанровой формы травелога, сложившейся к 50-м годам XIX века. Автор приходит к выводу о том, что в путевой прозе И. А. Гончарова происходит усиление субъективно-личностного начала, что выражается в повествовании в постоянной смене нарративных стратегий и демонстрирует постоянный поиск точки зрения на мир.

Ключевые слова: травелог; нарративная стратегия; чиновник-путешественник; феномен повествования.

1. Актуальные научные направления в изучении жанра травелога: история вопроса

Жанр травелога в современном литературоведении становится все более привлекательным объектом исследования. Такой интерес объясняется тем, что путешествие является не только одним из ярких атрибутов современной культуры, но и модной темой культурологии и антропологии. Ученые, как правило, подвергают анализу цели путешествия, исторический и культурный контекст, дискурс травелога, сюжеты и мотивы путевых записок [Материалы ..., 2013; Феноменология ..., 2015; Русский травелог ..., 2015]. При этом особое внимание уделяется традиционно изучению специфики «литературных травелогов». Так, в диссертационных работах, посвященных вопросу изучения литературных путешествий, в качестве предмета исследования представлена эволюция жанровой формы и стиля, специфика жанра путевых записок в русской литературе определенного периода (в основном XVIII века, первой трети или 1 половины XIX века) [Дыдыкина, 1998; Иванова, 2010]. Феномен же авторства в таких произведениях комментируется крайне редко, только в контексте изучения жанровых особенностей. Так, О. А. Дыдыкина, исследуя эволюцию стиля русских литературных путешествий от Карамзина до Гончарова, говорит о жанре путешествия как об «односубъектном повествовании, организующим центром которого является путешественник — одновременно и участник событий, то есть литературный герой, и писатель, облакающий дорожный материал в литературную форму» [Дыдыкина, 1998, с. 16]. Ориентируясь на произведения XIX века, Н. В. Иванова в работе «Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века» [Иванова, 2010] указывает, что в этот период происходит усиление фигуры автора в рамках сюжетной структуры путевых записок. Она трансформируется и обретает дуалистическую сущность: автор-повествователь и путешественник.

Подобная раздвоенность сознания пишущего субъекта, постоянное самоопределение между позицией автора и путешественника, безусловно, отражается на специфике повествования в путевых записках. В связи с этим В. М. Гуминский отмечает: «...“путешествия”, оставаясь фактом литературы, все время стремятся покинуть литературу как особую форму человеческой деятельности, обособленную от реальной жизни» [Гуминский, 1987, с. 141]. Однако следует указать, что наиболее отчетливо эта тенденция проявляется именно в травелогах начала XIX века. Этот период даже

характеризуется в культуре как «эпоха путешествий», что подтверждается существенным увеличением количества реальных путешествий и путевых записок. На особый повествовательный феномен русских травелогов этого времени обращает внимание, в частности, историк П. С. Куприянов, выделяя «парадоксы литературности»: «Между “путешествием” и путешествием, между практикой и повествованием, между литературой и жизнью, как между двумя электрическими полюсами, возникало “напряжение”, формировалось особое силовое поле — поле литературности, и в этом поле неизбежно оказывалось всякое путешествие начала XIX века» [Куприянов, 2004, с. 59].

Конечно, следует указать, что авторы травелогов в этот период даже невольно испытывали на себе влияние мощной литературной традиции, порожденной произведением Н. М. Карамзина. Как литературный жанр, «путешествие» конца XVIII — начала XIX века обладало целым рядом устойчивых элементов. Так, например, Е. С. Ивашина выделяет наиболее типичные компоненты: «Устойчивые мотивы были свойственны Предисловию, “Предуведомлению к читателю”; присущий путешествию характер Посвящения, как и само наличие Предисловия и Посвящения, признавался обязательным. Литературное “путешествие” отличала заметно утрированная метафоризация и стили, и фабулы. Сочетание стихов и прозы, особый способ оформления (как правило, в виде писем), обильное цитирование, а также ряд постоянных сюжетных мотивов — все это постепенно становилось “канонem” литературного “путешествия”» [Ивашина, 1979, с. 9]. К наиболее часто повторяющимся характеристикам исследователи относят также указание на любительский характер записок, преподнесение их как «безделок», имитация нелитературности, обращение к друзьям, стремление убедить читателя в спонтанной фиксации увиденного.

Однако, несмотря на наличие подобных шаблонов и «литературных ориентиров», автор-путешественник в своем индивидуальном «слове о путешествии», как правило, ставит перед собой множество вопросов: описывать только те события, в которых непосредственно участвовал либо очевидцем которых был? Каким образом необходимо фиксировать события в записках? Каким слогом необходимо описывать увиденное? Какова цель фиксации тех или иных событий, впечатлений, характеристик? Какова логика повествования?

Таким образом, специфика нарративных стратегий автора-путешественника является, несомненно, актуальным направлением в исследовании травелога.

2. Феномен «путевой прозы» И. А. Гончарова

Данная статья посвящена изучению феномена «путевой прозы» И. А. Гончарова в контексте традиции русского травелога XIX века. Этот период по праву считают этапом формирования и расцвета жанра травелога, становления фигуры автора-путешественника в структуре повествования. Традиционно в процессе анализа текстового материала (путевых записок) выделяются принципы и формы соединения двух основных нарративных стратегий: автора-документалиста, этнографа, историка и автора-писателя, литератора, художника. Предметом данного исследования становятся индивидуальные нарративные стратегии чиновника-путешественника.

Исследователи, как правило, характеризовали «Фрегат Палладу» с точки зрения специфики литературной деятельности И. А. Гончарова, выделяя сквозные темы и проблемы, общие черты поэтики и образной системы его произведений. Однако очевидно, что данный текст автора становится «знаковым» и в эволюции жанра травелога. Так, например, в предисловии И. А. Гончаров детально анализирует теоретический материал о путешествиях, выделяет жанровые особенности текста, указывает основные критерии отбора «путевого материала», акцентируя внимание на существенной оппозиции *свой мир* / *чужой мир* в сознании автора-путешественника: «Я ведь уже сказал вам, что искомый результат путешествия — это параллель между чужим и своим. Мы так глубоко вросли корнями у себя дома, что, куда и как надолго бы я ни заехал, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах» [Гончаров, 1976, с. 11]. При этом предметом рефлексии писателя становится и нарративная стратегия автора-путешественника, так как он ставит перед собой важные вопросы, связанные не только с тем, о чем писать, но и с тем, как писать, будучи путешественником: «Нет науки о путешествиях: авторитеты, начиная от Аристотеля до Ломоносова включительно, молчат; путешествия не попали под ферулу риторики, и писатель свободен пробираться в недра гор, или опускаться в глубину океанов, с ученою пытливостью, или, пожалуй, на крыльях вдохновения скользить по ним быстро и ловить мимоходом на бумагу их образы; описывать страны и народы исторически, статистически или только посмотреть, каковы трактиры, — словом, никому не отведено столько простора и никому от этого так не тесно писать, как путешественнику» [Гончаров, 1976, с. 14]; или еще пример подобного рассуждения: «Экспедиция в Японию — не иголка: ее не спрячешь, не потеряешь. Трудно теперь съездить в Италию, без ведома публики, тому, кто раз брался за перо. А тут предстоит объехать весь мир и рассказать об этом так, чтоб слушали рассказ без ску-

ки, без нетерпения. Но как и что рассказывать и описывать?» [Гончаров, 1976, с. 14]. Безусловно, такая позиция нарратора обнаруживает феномен повествования в рамках эволюции жанра травелога: переход от стратегии автора-документалиста к стратегии автора-литератора. Но, с нашей точки зрения, в записках И. А. Гончарова представлено более сложное взаимодействие различных точек зрения путешественника на предмет описания.

При этом следует указать, что «путевая проза» И. А. Гончарова демонстрирует еще один интересный феномен: в путевых записках обнаруживается двойственность позиции автора-путешественника — одновременно и литератора, и чиновника. Недаром исследователи читали эту книгу как дневник душевной жизни Гончарова за целых два года, притом проведенных при наименее будничной обстановке. Автор «дневника» пытается поставить перед собой иную цель: «заменить робость чиновника и апатию русского литератора энергией морехода, изнеженность горожанина — загрубелостью матроса» [Гончаров, 1976, с. 10]. Но в то же время в структуре повествования его записок постоянно проявляется другая нарративная стратегия, которая обнаруживает сознание структурированное, шаблонное, ориентированное на образцы. С точки зрения этого сознания писатель часто и пытается оценить свои записки: «Из этого, т. е. из мимолетных впечатлений и наблюдений, конечно, не могло выйти ни какого-нибудь специального ученого труда (на что у автора и претензий быть не могло), ни даже сколько-нибудь систематического описания путешествия со строго-определенным содержанием. Вышло то, что мог автор: летучие наблюдения и заметки, сцены, пейзажи — словом, очерки» [Гончаров, 1976, с. 25]. С этим также связаны бесконечные комментарии автора в письмах друзьям по поводу несовершенства записок: «Пробовал я заниматься, и к удивлению моему, явилась некоторая охота писать, так что я набил целый портфель путевыми записками. Мыс Доброй Надежды, Сингапур, Бонин-Сима, Шанхай, Япония (две части), Ликейские острова, все это записано у меня и иное в таком порядке, что хоть печатать сейчас; но эти труды спасли меня только на время. Вдруг показались они мне не стоящими печати, потому что нет в них фактов, а одни только впечатления и наблюдения, и то вялые и неверные, картины бледные и однообразные — и я бросил писать» [Гончаров, 1976, с. 17].

Таким образом, анализ феномена нарративных стратегий чиновника-путешественника в контексте эволюции жанра травелога позволяет охарактеризовать синкретизм повествовательной структуры, соединение разных (порой, противоположных) точек зрения на одно и то же явление «чужого» мира, актуализировать двойственность авторского сознания (чи-

новника и писателя), описать специфику поэтики путевых очерков, сочетающих элементы документальной и художественной литературы.

3. Специфика нарратива «путевой прозы» И. А. Гончарова

При определении специфики нарратива «путевой прозы» современные исследователи наиболее полной и разносторонней правомерно считают позицию В. М. Гуминского. Среди жанрообразующих аспектов формы и содержания путешествия исследователь отмечает «сложное взаимодействие документальных, художественных и фольклорных форм, объединенных образом путешествующего героя (рассказчика), противопоставление “своего”. “чужому”» [Гуминский, 1987, с. 43]. По мнению исследовательницы О. А. Дыдыкиной, в «догончаровской» «путевой прозе» собственно повествовательные и описательные линии развиваются изолированно, а рассказ о пространственных перемещениях героя сохраняет документально-очерковый характер, рассказ о дорожном быте допускает беллетристический элемент. Н. В. Иванова, характеризуя специфику литературного начала в путевых записках, объясняет это явление как следствие мировоззренческой позиции автора: «Сравнительно-сопоставительный метод позволил выявить в путевых записках единой тематической принадлежности как идентичные описательные характеристики, так и совершенно различные, возникшие в результате индивидуального авторского переосмысления путевых впечатлений» [Иванова, 2010, с. 86]. Такой подход позволяет в какой-то степени переосмыслить роль авторского начала в «путевой прозе», так как чаще всего в исследовательских работах акцентируется внимание на жанровых шаблонах, которые диктовали авторам определенные содержательные и стилистические «рамки».

В лингвистическом исследовании Ю. В. Юркиной обращается внимание на то, что И. А. Гончаров синтезирует в своей книге о путешествии сразу два типа травелога того времени: литературное путешествие и учебное путешествие. Попытка изучить этот «сплав» разнородных элементов травелога приводит исследователя к следующему важному выводу: «Эта тенденция позволяет объединить во ФП такие разновидности очерков, как публицистические, раскрывающие концептуальный подход автора к анализу увиденного (“Русские миссионеры”); очерки-пейзажи, их можно назвать лирико-философскими (“Море и небо”); очерки этнографические и историко-географические, ориентированные на научное изложение (“Капская колония”); очерки-портреты (“Мистер Бен”); путевые очерки (“Верховая езда”))» [Юркина, 2009, с. 18]. При этом собственно литературное путешествие определяется ученым как синкретичный жанр, позволя-

ющий автору продемонстрировать различные принципы изображения действительности.

С точки зрения организации повествования записки Гончарова-путешественника уникальны также тем, что читатель может наблюдать очевидную разницу в авторском отношении к написанному еще и с точки зрения временной дистанции. Поскольку после того, как печатаются очерки непосредственно по возвращении из путешествия, И. А. Гончаров в 1874 году публикует очерк «Из воспоминаний и рассказов о морском плавании» («Через двадцать лет»), читатель может сравнить две точки зрения автора-путешественника: внутри события путешествия и извне, оценить отстраненную рефлексию по поводу когда-то сочиненного. Следует указать, что в предисловии к новому очерку даже появляется особая форма такого отстранения — автор говорит о себе в 3 лице: «Пересматривая ныне вновь этот дневник своих воспоминаний, автор, чувствует сам, и охотно винится в том, что он часто говорит о себе, являясь везде, так сказать, неотлучным спутником читателя <...> Утверждают, что присутствие живой личности вносит много жизни в описания путешествий: может быть, это правда, но автор, в настоящем случае, не может присвоить себе ни этой цели, ни этой заслуги. Он, без намерения и также по необходимости, вводит себя в описания, и избежать этого для него было трудно. Эпистолярная форма была принята им не как наиболее удобная для путевых очерков: письма действительно писались и посылались с разных пунктов к тем или иным друзьям, как это было условлено между ними и им. А друзья интересовались не только путешествием, но и судьбою самого путешественника и его положением в новом быту. Вот причина его неотлучного присутствия в описаниях» [Гончаров, 1976, с. 555].

Благодаря такому сопоставительному методу можно обнаружить в повествовании И. А. Гончарова не только эволюцию рефлексивных стратегий автора, но очевидную смену нарративных конструкций, точек зрения автора-путешественника на описание одного и того же явления.

4. Двойственность позиции нарратора в «путевой прозе» И. А. Гончарова. Функция смены точек зрения.

В самом начале повествования о путешествии на фрегате в тексте очевидно акцентируется внимание на двойственности позиции нарратора, сочетании разных точек зрения на мир:

«Жизнь моя как-то раздвоилась, или как будто мне дали вдруг две жизни, отвели квартиру в двух мирах. В одном я — скромный чиновник, в форменном фраке, робеющий перед начальническим взглядом, боящийся

простуды, заключенный в четырех стенах, с несколькими десятками похожих друг на друга лиц, вицмундиров. В другом я — новый аргонавт, в соломенной шляпе, в белой льняной куртке, может быть с табачной жвачкой во рту, стремящийся по безднам за золотым руном в недоступную Колхиду, меняющий ежемесячно климаты, небеса, моря, государства. Там я редактор докладов, отношений и предписаний; здесь — певец, хотя ex officio (по обязанности), похода. Как пережить эту другую жизнь, сделаться гражданином другого мира?» [Гончаров, 1976, с. 12]. В этом размышлении и представлен выбор нарративной позиции автора травелога: как писать? С какой точки зрения? От чьего лица?

При этом в Дополнении, написанном через 20 лет, а именно в заключительной главе, напечатанной в литературном сборнике «Складчина» в 1874 году, автор четко указывает: «Да я и не путешествовал, а плавал по “казенной надобности”. Я был “командирован для исправления должности секретаря при адмирале, во время экспедиции к нашим американским владениям”: так записано было у меня в формулярном списке. Следовательно, у меня и не было никакого права на хочу или не хочу оставаться или воротиться» [Гончаров, 1976, с. 556].

Однако в первых главах путевых очерков И. А. Гончаров описывает скорее процесс духовного перерождения автора, который смог состояться только благодаря путешествию, погружению в иное пространство, принципиальному изменению прежнего образа жизни: «Дни мелькали, жизнь грозила пустотой, сумерками, вечными буднями: дни, хоть порознь разнообразные, сливались в одну утомительно-однообразную массу годов. Зевота за делом, за книгой, зевота в спектакле, и та же зевота в шумном собрании и в приятельской беседе! Я обновился; все мечты и надежды юности, сама юность воротилась ко мне. Скорей, скорей в путь!» [Гончаров, 1976, с. 12].

Но такой, почти романтический эмоциональный порыв мгновенно сменяется в повествовании на сложную синтаксическую конструкцию, посвященную сугубо логическим рациональным размышлениям автора-путешественника о том, как нужно путешествовать? Какова должна быть цель истинного путешествия? Как познавать иной мир? Можно даже выделить некую воспитательную интенцию, направленную другим путешественникам, автор как будто полемизирует с традиционной точкой зрения на ситуацию путешествия:

«Мне хотелось путешествовать не официально, не приехать и “осматривать”, а жить и смотреть на все, не насилуя наблюдательности, не задавая себе утомительных уроков осматривать ежедневно <...> Вообще боль-

шая ошибка — стараться собирать впечатления; соберешь чего не надо, а что надо, то ускользнет. Если путешествуешь не для специальной цели, нужно, чтобы впечатления нежданно и незванно сами собирались в душу; а к кому они так не ходят, тот лучше не путешествуй <...> Да, путешествовать с наслаждением и с пользой значит пожить в стране и хоть немного слить свою жизнь с жизнью народа, который хочешь узнать: тут непременно проведешь параллель, которая и есть искомый результат путешествия. Это вглядыванье, вдумыванье в чужую жизнь, в жизнь ли целого народа или одного человека, отдельно, дает наблюдателю такой общечеловеческий и частный урок, какого ни в книгах, ни в каких школах не отыщешь <...> Пожалуй, без приготовления, да ещё без воображения, без наблюдательности, без идеи, путешествие, конечно, только забава» [Гончаров, 1976, с. 35—36]. Такое восприятие миссии путешественника, скорее, напоминает особый просветительский взгляд на ситуацию путешествия в целом: путешествие как самовоспитание личности, процесс познания нового, чужого мира, осознание себя через постижение иного Я, созерцание и наблюдение чужой жизни как наука.

Подобная рациональная установка постепенно вновь меняется, в повествовании появляется все больше эмоциональных фрагментов, выражающих смену настроения путешественника, обилие риторических вопросов демонстрируют процесс возвращения к прежним проблемным точкам в сознании пишущего субъекта: зачем путешествие? Так неожиданно появляются рассуждения о негативных последствиях путешествия: «Скучное дело качка; все недовольны; нельзя как следует читать, писать, спать; видны также бледные, страдальческие лица. Порядок дня и ночи нарушен, кроме собственного морского порядка, который, напротив, усугублен. Но зато обед, ужин и чай становятся как будто посторонним делом. Занятия, беседы нет... Просто нет житья! <...> Боже мой! Кто это выдумал путешествия? <...> Так вот она, странническая жизнь, исполненная приключений, тревог, бурь, волнений, о которых я вздыхал на берегу! Ну, заварил кашу, наслаждайся теперь! Неблагодарная память не сохраняет добра. Тут является жалкое, отравляющее жизнь на море чувство — раскаяния: зачем поехал!» [Гончаров, 1976, с. 67].

Такое состояние разочарования приводит автора не только к полемическим вопросам и претензиям к себе, но и к собратям по перу, поэтам, появляется очевидная «антиромантическая», даже в целом «антилитературная» интенция: «... я выбрался из каюты... неблагосклонно взглянул на океан и... мысленно поверял эпитеты, данные ему Байроном, Пушкиным, Бенедиктовым и другими — “угрюмый, мрачный, могучий”, и Фад-

деевым — ”сердитый” <...> Солёный, скучный, безобразный и однообразный! — прибавил я к этому списку, сходя по трапу вниз, — задалил одно — и конца нет!» [Гончаров, 1976, с. 67]. Так традиционный для морских путешествий образ океана наделяется новыми коннотациями автора, разочарованного в романтическом ореоле путешествия как возвышающего душу процесса, о чем отмечалось в самом начале путевых записок.

В заключительной главе выделенная ранее установка автора более очевидна: «Притом 2 года плавания не то что утомили меня, а утолили вполне мою жажду путешествия. Мне хотелось домой, в свой обычный круг лиц, занятий и образа жизни <...> Обаяние, производимое величественною картинностью моря и берегов, возымело свое действие надо мной. Я невольно отдавался ему, но потом опять возвращался к своим сомнениям: привыкну ли к морской жизни, дадут ли мне покой ревматизмы? <...> Боже мой, да я ничего не понимаю! — думал я в ужасе, царапая сухим пером по бумаге, — зачем я поехал!» [Гончаров, 1976, с. 563].

Описание радости от новизны впечатлений путешественника в записках И. А. Гончарова очень быстро сменяется противоположной стратегией — сомнением в необходимости менять прежний образ жизни, желанием вернуть свой мир или хотя бы увидеть в чужом мире аналогию с родным: «Другие говорят, что если они плавают долго в море, им хочется берега; а поживут на берегу, хочется в море. Мне совсем не так: если мне где-нибудь хорошо, я начинаю пускать корни. Меня влечет уютный домик с садом, с балконом, останавливает добрый человек, хорошенькое личико <...> Как улыбаются мне теперь картины сухопутного путешествия, если бы вы знали, особенно по России! Едешь не торопясь, без срока, по своей надобности, с хорошими спутниками; качки нет, хотя и тряска, но то не беда. Колокольчик заглушает ветер. В холодную ночь спрячешься в экипаже, утонешь в перины, закроешься одеялом — и знать ничего не хочешь... Ах! Где вы, милые, знакомые явления? А здесь что такое? Одной рукой пишу, другой держусь за переборку; бюро лезет на меня. Я лезу на стену...» [Гончаров, 1976, с. 186].

А в некоторых главах автор сознательно бросает вызов прежним путешественникам, характеризующим эти места с положительной стороны (например, в главе «Ликийские острова» — разрушение стереотипов (о золотом веке): «Скажите, пожалуйста: эти добродетельные, мудрые старцы — шпионы, картежники, пьяницы? Кто бы это подумал! Вот тебе и идиллия, и золотой век, и Одиссея! <...> Не верьте Базилию Галлю, в ней (его книге) ни одного слова правды нет, все диаметрально противоположно истине!» [Гончаров, 1976, с. 386].

Таким образом, анализ различных нарративных стратегий автора путешествника, представленных в сопоставлении взгляда на мир с точки зрения двух сознаний «скромного чиновника» и «нового аргонавта», позволяет охарактеризовать феномен повествования в путевых очерках И. А. Гончарова, с одной стороны, как синкретичный, сочетающий элементы ученого и литературного путешествий, с другой стороны, как индивидуально-авторский, демонстрирующий разрушение всевозможных шаблонов и стереотипов жанровой формы травелога, сложившейся к 50-м годам XIX века. В путевой прозе автора происходит усиление субъективно-личностного начала, что выражается в повествовании в постоянной смене нарративных стратегий, демонстрирующей постоянный поиск точки зрения на мир. Очерки последовательно превращаются в саморефлексию, самопознание, в долгое путешествие к себе. Попытка внутреннего духовного перерождения (из чиновника в аргонавта), заявленная в начале повествования, последовательно меняется на противоположный путь — возвращение к себе прежнему, желание в другом увидеть себя.

Источники

1. *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада» : очерки путешествия в двух томах / И. А. Гончаров. — Москва : Советская Россия, 1976. — 608 с.

Литература

1. *Гуминский В. М.* Открытие мира, или Путешествия и странники : о русских писателях 19 века / В. М. Гуминский. — Москва : Современник, 1987. — 284 с.
2. *Дыдыкина О. А.* Эволюция стиля русских литературных путешествий конца XVIII — первой половины XIX вв. : от Н. М. Карамзина до И. А. Гончарова : диссертация ... кандидата филологических наук / О. А. Давыдкина. — Москва, 1998. — 251 с.
3. *Иванова Н. В.* Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века : тематика, поэтика : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. В. Иванова. — Москва, 2010. — 270 с.
4. *Ивашина Е. С.* О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой трети XIX века / Е. С. Ивашина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. — 1979. — № 3. — С. 3—16.
5. *Куприянов П. С.* Русское заграничное путешествие начала XIX века : парадоксы литературности / П. С. Куприянов // Историк и художник. — 2004. — № 1. — С. 59—73.
6. *Материалы* конференции «Власть маршрута» : путешествие как предмет историко-культурного и философского анализа // Труды Русской антропологической школы. — Москва : Изд-во РГГУ, 2013. — Том 13. — С. 25—277.
7. *Русский травелог XVIII—XX веков* : коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2015. — 656 с.

8. *Феноменология, история и антропология путешествия* : тезисы международной Гумбольдтовской конференции (СПбГУ, 16—19 апреля 2013 г.) / сост., ред. М. Кобельт-Грох, О. Кулишкина, Л. Полубояринова. — Киль : Соливагус, 2015. — 584 с.

9. *Юркина Ю. В. Жанровые нормы «путешествия» и идиостиль писателя : очерки путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ю. В. Юркина. — Санкт-Петербург, 2009. — 252 с.*

“Frigate Pallada” by I. A. Goncharov in Context of Travelogue Genre: Narrative Strategies of Official Traveller

© **Konstantinova Natalya Vladimirovna (2018)**, orcid.org/0000-0002-7329-9977, ResearcherID D-2068-2014, PhD in Philology, Head of Department, Department of Russian and Foreign Literature, Literature Theory and Literature Teaching Methods, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia), scribe2@yandex.ru.

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of “travel prose” by I. A. Goncharov in the context of the tradition of Russian travelogue of the 19th century. Traditionally, in the process of analysis of text material (travel notes) the principles and forms of combining the two main narrative strategies are distinguished: the author-documentarian, ethnographer, historian and author-writer, artist. The subject of this study was the individual narrative strategies of the official traveller. “Frigate Pallada” by I. A. Goncharov is defined as a “landmark” in the evolution of travelogue genre. Different narrative strategies of the author-traveller, perceiving the world from the point of view of two minds — “modest official” and “new Argonauts” — are revealed and compared. The phenomenon of narrative in travel essays by I. A. Goncharov is characterized, on the one hand, as a syncretic text, combining elements of scientific and literary travel, on the other hand, as an individual author’s text, demonstrating the destruction of various patterns and stereotypes of the genre form of travelogue, developed by the 1850-ies. The author comes to the conclusion that in the travel prose by I. A. Goncharov there is an increase in the subjective and personal principle, which in the narrative is expressed by the constant change of narrative strategies and demonstrates the constant search for a point of view on the world.

Key words: travelogue; narrative strategy; official traveller; narrative phenomenon.

Material resources

Goncharov, I. A. 1976. *Fregat «Pallada»: ocherki puteshestviya v 2 tomakh*. Moskva: Sovetskaya Rossiya. (In Russ.).

References

Dydykina, O. A. 1998. *Evolutsiya stilya russkikh literaturnykh puteshestviy kontsa XVIII — pervoy poloviny XIX vv. Ot N. M. Karamzina do I. A. Goncharova: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).

- Guminskiy, V. M. 1987. *Otkrytiye mira, ili Puteshestviya i stranniki: o russkikh pisatelyakh 19 veka*. Moskva: Sovremennik. (In Russ.).
- Ivanova, N. V. 2010. *Zhanr putevykh zapisok v russkoy literature pervoy trety XIX veka: tematika, poetika: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Ivashina, E. S. 1979. O spetsifike zhanra «puteshestviya» v russkoy literature pervoy trety XIX veka. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 3: 3—16. (In Russ.).
- Kobelt-Grokh, M., Kulishkina, O., Poluboyarinova, L. (eds.). 2015. *Fenomenologiya, istoriya i antropologiya puteshhestviya: tezisyy mezhdunarodnoy Gumboldtovskoy konferentsii (SPbGU, 16—19 aprelya 2013)*. Kil: Solivagus. (In Russ.).
- Kupriyanov, P. S. 2004. Russkoye zagranichnoye puteshhestviye nachala XIX veka: paradoksy literaturnosti. *Istorik i khudozhnik*, 1: 59—73. (In Russ.).
- Materialy konferentsii «Vlast' marshruta»: puteshhestviye kak predmet istoriko-kulturnogo i filosofskogo analiza. 2013. In: *Trudy Russkoy antropologicheskoy shkoly*. Moskva: Izd-vo RGGU. 13: 25—277. (In Russ.).
- Pecherskaya, T. I. (ed.). 2015. *Russkiy travelog XVIII—XX vekov: kollektivnaya monografiya*. Novosibirsk: Izd-vo NGPU. (In Russ.).
- Yurkina, Yu. V. 2009. *Zhanrovyye normy «puteshhestviya» i idiosstil pisatelya: ocherki puteshhestviya I. A. Goncharova «Fregat "Pallada"»: avtoreferat dissertatsii... kandidata filologicheskikh nauk*. Sankt-Peterburg. (In Russ.).